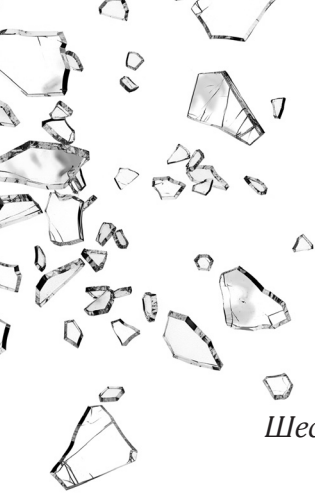

Моей жене, Кэтрин

Шесть лет назад

Фредди не мог понять, с чего вдруг Джоди с Риком были такими хмурыми. Когда машина тронулась от кинотеатра, в голове мальчика еще проносились сногшибательные финальные кадры фильма: Джеймс Бонд прыгает с крыши заброшенного здания рука об руку со своей новой девушкой и уплывает по Темзе на катере, а Блофельд гонится следом на вертолете. Казалось бы, и Рику, жениху его сестры, кино понравилось; он, правда, назвал это «компиляцией прежних фильмов об агенте 007», — что бы ни значило первое слово, — но дополнил отзыв фразой «все же довольно забавно».

Однако теперь в машине повисла тяжелая тишина.

— Все нормально, Джоди? — решил спросить Фредди.

Она даже не оглянулась.

— Все в порядке. Не волнуйся.

Он выглянул из окошка «ауди». Было уже поздно — одиннадцатый час, октябрьский ветер сметал на обочину сухую листву. Если Джоди с Риком и правда остались недовольны, то вряд ли из-за фильма, хотя за весь вечер они вроде как не говорили ни о чем другом. Оставалось только одно — они на него, Фредди, сердились. Тем не менее Джоди сказала, что все в порядке. Если бы злилась, ни за что не ответила бы так. Ей двадцать три, ему тринадцать — отчитала бы, да и все.

«Всем пока, — бросила она, когда явился Рик, — мы едем смотреть нового Бонда».

Фредди стал проситься с ними, и мама, как всегда, уговаривала Джоди взять его, но сестра почему-то возражала сильнее обычного. Странно: он всегда послушный, да и с Риком вполне ладит. Конечно, тот зануда немного — ну так учится на юриста, чего еще ждать! — но они часто обменивались шутками и оба болели за «Ипсвич Таун». Да и сегодня в кино все было нормально: жевали попкорн, болтали...

Фредди вдруг осенило.

Джоди с Риком собирались заняться чем-то другим! Просто не хотели никому говорить. Неужто думали пообжиматься в машине, как подростки, а он им помешал? Фредди презрительно хмыкнул про себя. Трудно поверить. Какой смысл, когда у Рика есть собственная квартира?

Они припарковались в самом конце глухого переулка среди нависавших деревьев, зарослей кустарника и вороха опавших листьев. Рик выключил двигатель, а Джоди обернулась.

— Фредди, не хочешь прогуляться?

— Да ну, слишком сыро.

— Ничего не сыро, дождя не было со вчерашнего утра.

— Холодно.

Она снова отвернулась.

— А рыбы с картошкой хочешь?

— Ну... можно. — Он пожал плечами.

— Я бы поела.

— Так пойди и купи.

— Фредди, не валяй дурака! — раздраженно фыркнула сестра.

Странно, в эту игру они не играли уже несколько лет. Вообще, быть третьим лишним иногда оказывалось выгодно, хотя обычно спор проходил куда дружелюбнее.

— Да здесь нигде ничего не купишь, — хмыкнул он.

Джоди заговорила спокойнее:

— Пройди обратно по дороге, которой мы приехали, там слева будет тропинка. Она идет через лес.

— Через лес? — поморщился Фредди. Он был уже не ребенок, но продирается сквозь кусты ночью в одиночку...

— Да какой там лес! Так, рощица. По тропинке выйдешь к полю для гольфа «Блэк-Брук».

— К полю для гольфа? — Мальчик вновь нахмурился.

— Через поле идти не надо, — вступил в беседу Рик. — Слева найдешь знак — там есть пешеходная тропа. Она тебя выведет к гольф-клубу, а за ним будет Уайльд-див-авеню. Повернешь направо и через пять минут увидишь пару домиков, газетный киоск и закусочную.

Джоди протянула двадцатку.

— Возьми мне картошку с сосиской.

— А мне с жареной треской, — добавил Рик. — Себе сам выбери, и сдача твоя.

Фредди задумчиво повертел в пальцах двадцатифунтовую купюру. Джоди глянула на него через зеркало заднего вида.

— Ладно... сколько ты хочешь?

Он поджал губы.

— Ну... тридцать хотя бы.

Она раздраженно обернулась. Рик положил руку ей на плечо.

— Пускай тридцать, все нормально. — Он поправил очки и полез в карман кожаной куртки. Достал бумажник и вынул еще двадцатку. — Раз уж мы тебя нагружаем, пусть будет сорок. Тем более, поздно уже и вообще... не будем мелочиться — держи полсотни, Фред!

Мальчик удивленно вытаращил глаза, принимая третью купюру. Он застегнул теплую куртку с капюшоном и шагнул навстречу сырому ветру. Свет фонаря шагах

в двадцати едва пробивался сквозь пляшущую завесу полуоблетевших ветвей, а в лесу и вовсе затерялся в сумраке за спиной. Тропинка вывела к довольно крутой насыпи, за которой расстилалось поле для гольфа.

Темно-серые клочья облаков неслись над головой, скрывая луну, но все же позволяли разглядеть обширную лужайку с аккуратно подстриженной травой. Слева и впрямь стоял крестообразный указатель со стрелкой и обозначением пешеходной тропы, а на вершине насыпи виднелся другой знак — «Берегись летящих мячей».

Фредди опасливо оглянулся, будто ожидая удара в голову. Глаза уже привыкли к темноте и различали тут и там заросли кустарника. Еще одна стрелка впереди указывала на узкий проход между живыми изгородями, куда ветер задувал порывами сухие листья. Идти было страшновато, но вскоре кусты раздвинулись, тропа пошла вниз, и через сотню шагов показалось приземистое одноэтажное здание, освещенное цепочкой ярко-желтых фонарей, — гольф-клуб. Сквозь металлические решетки на окнах не пробивалось ни огонька, автостоянка была пуста, ворота заперты. Открытой оставалась только калитка.

Слыша лишь шум ветра в ушах, Фредди обошел здание и свернул направо по Уайльд-авеню. Дома там и правда стояли, но их вид не обещал ничего хорошего. Вновь ни огонька в окнах — ни в газетном киоске, ни в закусочной. Все словно вымерло. Внутри стеклянной двери Фредди высмотрел табличку с указанием, что местечко сейчас закрыто.

Он двинулся обратно по улице. Поначалу распирала досада, но затем Фредди вспомнил о деньгах в кармане. Не так уж жестоко его и провели, всего лишь отослали на полчаса прогуляться и хорошо за это заплатили.

Вот та самая автостоянка, а за ней поле для гольфа. Темнота стала уже привычной, и по дорожке между из-

городей Фредди зашагал уже смелее, решив не обращать внимания на ночные шорохи. Однако через несколько шагов застыл как вкопанный, услышав впереди душераздирающий вопль.

Что это, лисица? Он и прежде слышал звериные крики в зарослях недалеко от своего дома. Да, наверное... безобидная лисица, только и всего. А может, и нет. Фредди поспешно выскочил на пешеходную тропу и бросился мимо указателей вниз по склону.

Раздался еще один крик, на этот раз резко оборвавшийся.

Достигнув рощи, мальчик побежал по тропинке, но вскоре притормозил, различив сквозь ветви деревьев свет фонаря в переулке. Никак не хотелось предстать перед Риком перепуганным сопляком. С тропинки на мостовую он вышел уже почти нормальным шагом, вытирая пот со лба.

В тусклом свете фонаря виднелся «ауди» Рика, а рядом — какой-то фургон с открытыми задними дверями. В тени сумерек двигались фигуры, и Фредди прищурился, вглядываясь. Когда до машин оставалось полсотни шагов, он различил зеленые комбинезоны, и от сердца немного отлегло. Санитары — машина скорой помощи.

Тут же вспыхнул новый страх — неужели кому-то плохо? Мальчик ускорил шаг, запоздало удивляясь, что в машине медиков не горит свет. Двери открыты, но внутри полный мрак.

Внезапно тишину разорвал новый вопль — отчаянный, душераздирающий. Теперь сомнений не было: это не брачный призыв лисицы. Кричала сестра, и она была в смертельном ужасе. Застыв на месте, Фредди наблюдал, как в десяти шагах от него три фигуры в зеленом тащат кого-то в эту странную машину скорой помощи и силой заталкивают внутрь.

— Джоди! — хрипло выдавил он.

Двое «санитаров» обернулись.

Послышался новый вопль, и в фургон затолкали еще одного человека. Должно быть, Рика, поскольку тот сопротивлялся больше, и один из незнакомцев в зеленом не сразу смог оторваться от него и повернуться к мальчику.

— Спокойно, малыш! — крикнул он с непонятым акцентом, махнув рукой. — Тут несчастный случай.

Одну перчатку мужчина потерял, и неизвестно, что напугало Фредди больше: накладка в виде большого черного паука у него на руке или лыжная маска, еще чернее, с прорезями для глаз.

Мальчик кинулся прочь, но не по переулку, поскольку до ближайших домов было несколько миль, а налево, в заросли, протискиваясь сквозь чащу кустов. Сзади раздались сердитые крики, а затем треск выстрела.

Пуля просвистела мимо, разорвав осеннюю листву.

Не обращая больше внимания на ветви, хлещущие по лицу, мальчик бежал со всех ног и почти уже пересек рощу, когда за спиной послышались тяжелые шаги преследователей.

— Мара, сюда! — бросил грубый голос, уже другой.

Раздался еще один выстрел. Фредди едва не взвизгнул от боли — пуля задела мочку левого уха, — но продолжил бежать, стараясь беречь дыхание. Он понимал, что на тропе, ведущей к гольф-клубу, будет для стрелков как на ладони, и потому свернул направо, все так же держась в тени деревьев.

Метров через двести он решил бросить взгляд через плечо. Бандиты настигали его. Одна фигура в маске виднелась в полусотне шагов, другая чуть отставала.

Третья пуля врезалась в дерн под ногами, но Фредди уже мчался по высокой траве, спускаясь к декоративному водоему. Огибая край пруда, он позволил себе обернуться снова. Преследователи не отставали. Вспых-

нул свет, и новая пуля просвистела почти у виска. Вновь поднимаясь по склону, Фредди на бегу нащупал телефон и попытался набрать номер, но глаза заливал пот, а пальцы соскальзывали, испачканные кровью из раненного уха.

За спиной послышался металлический щелчок — совсем рядом.

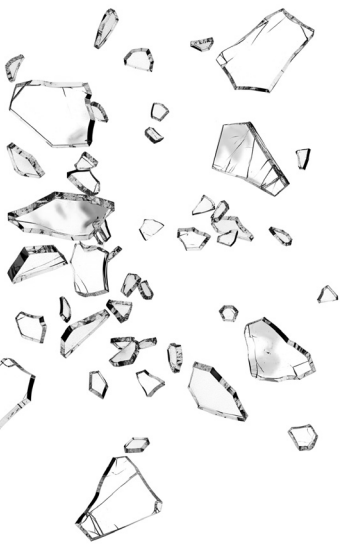
Внезапно земля под ногами пошла под уклон, и впереди открылась неожиданная картина: бесконечная светящаяся лента шоссе с вспышками проносящихся фар. Уклон был все круче, ноги сами несли вперед, сил будто прибавилось.

— Черт! — послышалось сзади.

Фредди оглянулся. Два черных силуэта застыли в сумраке на гребне насыпи. Один вытянул руку, указывая на беглеца.

Тишину снова расколол выстрел.

Такой боли мальчик еще не испытывал.

Негодяй, каких свет не видывал

Глава 1

Наши дни

— Ну, в наше время это ерунда, — хмыкнула Конни, — мало ли таких кругом.

— Мы выставляем напоказ не гомосексуализм Слимана, — возразил Дэвид, — а его непорядочность по отношению к жене и детям.

— Да уж, — в динамиках автомобиля хрипловатый смешок Конни прозвучал еще язвительней. — Барри Слиман — кто бы мог подумать! Давно это с ним?

— Сомневаюсь, что недавно. Да и какая разница? Факт есть факт, я заснял его на камеру. Все ясно как день, не отопрешься.

— Давай уточним... Ты дежурил у его дома в Биконсфилде и следил за ним, пока не застукал?

— Недолго, всего пять вечеров.

— Тем не менее, дорогой. Из Биконсфилда в Сохо путь неблизкий, так что свои денежки ты заработал честно.

— Значит, ты довольна?

— Как же иначе! Заголовок на обложке и центральный разворот тебе обеспечены. Отличное вступление, кстати.

Дэвид знал, что ей понравится. На развилке он свернул налево к торговому центру «Теско».

— Крепкий орешек расколот! — прочитала Конни вслух. — У звезды британских сериалов Барри Слимана, известного ролями крутых полицейских, отважно разгребаящих нечистоты лондонских трущоб, внезапно обнаружился не один лишь профессиональный интерес к ним. Брутальный бородач всемирно знаменит своим бесстрашием в стычках с маргиналами, однако последний эксклюзивный репортаж «Скендлес» демонстрирует и несколько иной характер его тайных встреч. Сорокавосьмилетний уроженец Йоркшира Слимман, женатый, отец троих детей, давно прославился своими психологичными образами мужественных героев с сомнительным прошлым, но твердыми личными принципами.

Однако, судя по итогам расследования репортера «Скендлес» Дэвида Келмана, сомнительным представляется не только прошлое, но и настоящее актера, и личных принципов Слимману явно недостает. Где он выказывает твердость сейчас, можно лишь догадываться, но прошлым субботним вечером ее испытал на себе молодой человек по имени Сид, который весело признался нашему неустрашимому охотнику за новостями: «Замутить с такой симпатичной знаменитостью, как Слимман, — просто фантастика! Я знаю, он частенько здесь бывает, хоть никогда и не признается, но для такого, как я, это неслыханная удача. Обычно я довольствуюсь всяким отребьем...» — Конни прервала чтение. — Похоже, этот твой Сид разговорился вовсю.

— Да уж, поболтали с ним в баре, когда Слимман уехал домой, — хмыкнул Дэвид. — Ты удивишься, сколько может наплести подобный тип, если подкинуть ему пару фунтов.

— Так или иначе, дорогой, поработал ты на славу.

Это он знал и сам. Фото и видео, архивированные и приложенные к статье, репортер собирал долго. Ве-

чер за вечером в разных местах пригородной аллеи, где стояла вилла Слимана с семью спальнями, Дэвид проводил долгие часы, лелея надежду, что именно сегодня повезет. Поэтому, когда тот самый вечер наконец настал и актер вышел из дома необычно поздно, проехать следом сорок миль до обшарпанных гаражей в Стэнморе, где тот оставил свой классический родстер с мягким верхом и двинулся в Лондон в побитом старом «рено», было уже сравнительно просто.

— Где теперь Слиман? — спросила Конни.

— На Канарах. Семья улетела раньше на летние каникулы, а он задерживался, чтобы доснять еще что-то для нового фильма.

— Или снять кого-то? — Конни вновь усмехнулась. — Так или иначе, когда выйдет статья, он мигом окажется дома. Ты рассчитываешь на обычную ставку?

— Еще чего! — Дэвид вырулил на стоянку у супермаркета. — Минимум на двойную, или я отдаю материал в «Титл-татл».

— Двойную?! — в голосе всегда невозмутимой Констанции Керзон звучало возмущение.

— Конни, я ведь снял не только то, как Слиман тискает паренька на танцполе, но и как развлекается с ним за мусоркой во дворе.

— Дэ-эвид, ми-иный... — обычно она так растягивала слова, когда пыталась скрыть гнев из уважения к собеседнику. — Я тебя боготворю, но никак не собираюсь платить вдвое больше.

— А ты думаешь, это было просто? Плюс ко всему мне пришлось немало потратиться: и швейцару заплатить, и машины поменять для слежки. В конце концов, Оли Хьюберт из «Титл-татл» всегда готов...

— Ладно, я тебя поняла, — бросила она сердито. — Только постарайся, чтобы такое свинство не вошло у тебя в привычку.

— А разве мы не свинством с тобой занимаемся?

Она повесила трубку, и Дэвид припарковался на ближайшем свободном месте. Заперев свою красную «фиесту», он отправился в торговый центр.

Свинство, так и есть. Все это занятие — одно сплошное свинство! Даже думать не хочется, насколько. Когда-то он применял свои навыки с пользой, обличая тех, кто реально угрожал обществу, а не просто грешил по мелочам или стыдился своего прошлого. Для знаменитого прежде мастера журналистских расследований нынешняя работенка полегче, и тем не менее — унизительна.

Из того разрушенного гаража Слиман выглянул, как перепуганный кролик из норы, а его убогая маскировка — джинсы, худы и темные очки — никого бы не обманула. Темные очки, подумать только, и это уже почти в сумерках! Проследить и сделать снимки ничего не стоило. Пьяница-детектив Кранкворт, герой Слимана из «Блад сити», в два счета обнаружил бы «хвост», а у самого актера кишка тонка, кто бы сомневался.

Репортер спокойно шел за ним пешком до самого конца Эджвер-роуд, и этот увалень даже в бар для голубых зашел через парадный вход. Дэвиду уже хватило бы, чтобы заработать пару фунтов на репортаже, но Слиман решил не останавливаться на достигнутом...

Нет, отсутствие у парня тех качеств, за которые зрители так обожают его на экране, еще не повод для презрения. Есть целых четыре куда более весомых причины — жена и трое маленьких детей. Впрочем, отмазка все равно гнилая, да и публике подобные истории уже поднадоели.

Раздраженный невозможностью оправдаться перед самим собой, Дэвид поступил как всегда, выбросив «лживого подонка» из головы.

В супермаркете он набрал полную корзину еды и двинулся к журнальным стойкам. Затянутый в пленку свежий номер «Скендлес» красовался на верхней

полке, демонстрируя на обложке фото Салли Рипли, известной дикторши из прогноза погоды. Телезвезда сидела в переполненном пабе и пьяно тарашилась в камеру, бесстыдно задирая свитер с бюстгальтером. Ее грудь была бы видна целиком, не будь изображение нарочно размыто.

РИПЛИ ПОД ГРАДУСОМ

— кричал жирный заголовок. Ниже пояснялось:

*Завсегда таи бара тарашатся
на четвертый размер поддатой красотки*

Мелкий шрифт предупреждал об откровенных изображениях внутри.

В нижнем углу над милой улыбкой известной пожилой актрисы в одной из ее последних телеролей разместился второй заголовок:

СВЯЗИ С ГАНГСТЕРАМИ?

*Правда ли, что всеми любимая заведующая
почтой из сериала крутила в свое время
шашни с убийцами? Келман выясняет факты*

Подкатив тележку к кассе и расплатившись, Дэвид содрал с журнала пленку и отыскал статью. По правде говоря, нового там было всего ничего. Все давно знали, что потускневшая с годами гламурная киска Эдна Фэйрчайлд, бывшая партнерша в номерах знаменитых комиков 70-х вроде Бенни Хилла и Фрэнки Хауэрда, провела молодость достаточно бурно. Неоднократно была замужем, в том числе три года — за Адамом Воном, сообщником зловещих близнецов Крэй, а также, по слухам, часто посещала вечеринки с участием других звезд преступного мира.

В своем репортаже Дэвид просто-напросто перечислил все уже известное, добавив лишь несколько интервью, взятых в барах Ист-Энда, где подвыпившие старухи, чьи сплетни ни один живой свидетель уже не мог опровергнуть, расписывали в красках криминальный разгул былых времен с наркотиками, покером на раздевание и групповым сексом. Бывал ли там на самом деле Адам Вон со своей тогдашней супругой? А почему бы и нет?

«Фактов» набралось так мало, что журнальный разворот в основном пестрел увеличенными фото юной и соблазнительной Эдны Фэйрчайлд вперемешку с портретами гангстеров — для пушшего эффекта. Нынешнюю пожилую звезду мыльных опер и народную любимицу такое соседство едва ли могло обрадовать, однако Дэвид не был новичком и аккуратно избегал прямых утверждений, что Эдна в самом деле где-то присутствовала. Слухи, предположения — всего-навсего. Ну а если и перебрал слегка... что ж, для решения проблем существует главный редактор Констанция Керзон.

— Наслаждаешься своим новым шедевром?

Рядом остановилась симпатичная индианка слегка за тридцать. Большие темные глаза, красиво очерченный рот, пышные черные волосы до плеч. Стройную фигуру не портила даже скучная черно-белая униформа управляющего торговым залом.

— Как поживаешь, Нушка? — спросил Дэвид.

— Неплохо.

— Правда? — Он решительно не понимал работодателей, заставлявших сотрудников надевать бейджик с именем.

— На журналистике мир клином не сошелся, Дэвид. Зарабатываем как можем.

— Я тоже этим утешаюсь. — Он свернул журнал в трубку.

Нушка покачала головой.

— Неужто за такое реально платят?
— За это не очень, но есть и другие проекты. Как там Норман, заканчивает свой опус?

— Черновик почти готов.

— Как и шесть лет назад.

— Он же еще работает на полставки.

Дэвид помолчал. Вообразить полставочником бывшего коллегу, такого энергичного и напористого, было трудновато.

— Ты бы позвонил ему как-нибудь, — вздохнула Нушка. — Он будет рад.

— Серьезно?

— Почему бы и нет? Хуже не станет.

— Что-то я сомневаюсь.

Вновь наступило неловкое молчание. Нушка, конечно, надеялась на лучшее, однако можно было не сомневаться: разговор со старым приятелем мог пройти ужасно.

Она взглянула обеспокоенно.

— Значит, ты слышал о...

Дэвид кивнул.

— Да. Верить или нет, но до меня доходят и настоящие новости.

— Ну и как ты?

— В смысле, переживаю ли, что тут есть моя вина?

— Ну да.

— Нет, не переживаю, Нушка. Не могу себе позволить.

— Да брось.

— Как ни крути, парень был тем еще авантюристом по жизни, так что, думаю, повлияло много разных факторов.

— Может, и так. А ты неплохо выглядишь.

— Спасибо. Качаюсь, бегаю. — Он чуть не добавил, что надо чем-то заполнять бесконечные пустые часы, но сдержался.